

Евгений Бевз. Карасук Новосибирской области

Бевз Евгений Петрович родился в городе Карасуке Новосибирской области 14 июня 1961 года. Ветеран войны в Афганистане и военной службы. Ветеран ВДВ. Образование высшее: Новосибирское высшее военно-политическое общевойсковое училище (1984г.), Хабаровская Государственная академия экономики и права, юридический факультет (1997г.) Направления в литературе: поэзия, проза, публицистика. Член Литературного объединения поэтов и прозаиков ГСВГ (Германия) 1984–1990 годы. Основатель поэтического клуба «Родник» г. Карасук, лауреат многих премий по литературе. Премия «Призвание» (композитор, поэт, писатель) за достижения в сфере культуры Новосибирской области в 2022 году.

Дядя Петя, или По следам Петра Дедова

«Шаркнули по душе», – как говорил Егор Прокудин, герой Василия Макаровича Шукшина, в его легендарном фильме «Калина красная», так и меня – после прочтения книг Петра Павловича Дедова.

Почему дядя Петя? А вот так, и никак иначе. Без тени фамильярности. Просто, прочитав практически всё, что принадлежит перу Петра Павловича, таковым я его почувствовал, да и разница в возрасте соответствует. Помните в рассказе «Сибирский характер»: «...я тебе, Павлович, сейчас по пальцам загибать стану: откуда он пошёл наш сибирский корень. Ну, перво-наперво чалдоны – старожилы. Это донские казаки, какие с Ермаком в Сибирь пришли и сразу после него. Само слово «чалдон», знаешь, как переводится? «Чалить с Дона», – так в народе толкуют».

Я склоняюсь всё же к этой версии Петра Павловича, потому что, из интереса иногда возвращаясь к истокам появления чалдонов как таковых, у нас в Сибири ничего конкретного и убедительного не находил. «Чалить с Дона», или чалдон,

казалось более ясным – это человек с Дона, а в простом народном понимании, как приехавший откуда-то издалека, «из Рассеи», и долго проживающий в Сибири. И не зря, наверное, во всех произведениях Петра Павловича чалдоны в большинстве своём говорят на вполне понятном любому «суржике», смеси украинского с русским языком. А не на каком-то неизвестном и загадочном чалдонском наречии.

Вот таким чалдоном был мой дедушка Вася – донской казак по крови, прародители которого в далёкие годы перекочевали с Дона в Сибирь, в поисках лучшей доли. А разделяли дома родителей Петра Павловича и моего дедушки Васи какие-то километры. Дедовы жили в Ключах, а мои предки аккурат наискосок, через железную дорогу в селе Зятьковка того же Купинского района, правда, поближе к городу. И бедствовали точно так же, как показано в «Светозарах». В Зятьковке в апреле 1934 года родился и мой отец Пётр Васильевич. Потому годы рождения Петра Павловича и моего папы стоят рядом, им пришлось пережить суровые лихолетья в Купинском районе Новосибирской области вместе, только в разных сёлах. Петр Павлович, Пётр Васильевич и сам я, Петрович, корни наши общие в Купинском районе, вот какая тоненькая и деликатная душевно-родственная связь получается. А воспоминания о нелёгкой жизни сельчан в те годы много раз слышал от своего отца, частенько на наших с ним охотничьих привалах, у трескучего костерка, с утиной шурпой в котелке да с дымком.

И, когда читал трилогию «Светозары», меня ни на минуту не покидало чувство, что я слушаю уже рассказанное ранее близким человеком, отцом или дядей, с добавлением чего-то нового и ранее мне неизвестного. Воспоминание о той жизни в сибирском селе, затерянного в степях нашей родной Кулунды. В этих разговорах о лихих временах, о житье-бытье, как правило, всегда находилось место словам о любви к Родине,

Сибири, Кулундинской степи... Конечно, были рассуждения о жизни и справедливости, куда без них, есть ли она справедливая на белом свете? Вот так же обо всём этом размышляет и Серёга у Петра Павловича, то есть по сути он сам: «Где же она, справедливость?.. Ведь мы не какие-то лодыри. Мама пластается день и ночь, успеваешь управиться на колхозной ферме с коровами, в саду и в поле прихватывает, на ней и огород, и корова, и всё домашнее хозяйство... Да и сам я, сколько помню, не отдыхал после школы ещё ни одного лета. От звонка до звонка ишачил в колхозе, а зимой и в выходные дни частенько помогал матери на ферме... Братишка Петька, болезненный, вечно хныкающий от голода и холода, как только чуть окреп на своих искорёженных болезнью ногах, тоже пошёл работать: стал пасти небольшой табун колхозных баранов-производителей. А сестрёнка Танька? Она с семи лет справлялась по избе и в огороде за взрослую хозяйку, и младшего братишку Кольку успела обиходить, и скудную еду научилась готовить, и мыть, и шить, и корову доить... Так где же она, справедливость?..»

После прочтения всех этих строк пробуешь проглотить подкативший к горлу ком. Появляется желание закричать – стоп! Хватит! Кто-то может и усомниться, такого не могло быть. Было. Я точно знаю. А почему стоп? Да потому, что так реально обозначены и спрессованы правда и беда тогдашней деревенской жизни в этом коротком отрывке Петра Павловича, что никакой трилогии не надо. Просто душа на разрыв. Яснее и некуда. Вся жизнь сельской семьи, как на ладони. Весь смысл «Светозаров», смягчённый чуточку тонкой соломкой, – это отношения к любимой природе. Углубляясь в тему, меня не покидала мысль о том, как им всем, и именно Петру Павловичу, удавалось сохранять человеческое лицо, находясь в таких, не побоюсь этого слова, «скотских» нечеловеческих условиях.

Как он сам не огрубел, не зачерствел душой. Находясь на покосе, пахоте, выпасах, меся холодный кизяк босыми детскими ножками для шпаровки дома, успевал замечать вокруг красоты этой самой природы. Но то была отдушина. Он так об этом и пишет: «...природа стала для меня тем, чем, наверное, был бог для покойного дедушки Семёна: она стала моей судьбой, я всюду чувствовал на себе её всевидящее око. С первобытным чутьём отзывалась моя душа на всякие перемены, которые творились в природе. Я грустил вместе с печальным пасмурным днём поздней осени, когда земля наполнена запахами увядания, а с неба падают тоскливые клики отлетающих журавлей; радовался буйному половодью и яростному солнцу весны, когда кажется, на глазах прут из земли травы и в тишине лунных ночей с пушечным грохотом взрываются на деревьях почки; я любил и ненавидел то, что любит и ненавидит природа, и не мог себе представить, как можно жить без неё, – ведь это, казалось мне, всё равно, что рыбу заставить жить без воды, а птицу без неба».

Петра Павловича Дедова по праву можно считать достойным продолжателем дела и литературного наследия корифеев сибирской прозы и стиха. По плечу ему оказалось нелёгкое писательское ремесло. Но что объединяет этих людей? Конечно же, глубокие и большие чувства пожизненной привязанности к родному краю, юной восторженной влюблённости в его природу, ставшую с ранних лет милым материнским кровом, великой школой жизни и труда, их творческой мастерской – и сегодня всё это бережно и полностью сохраняется и живёт в произведениях Петра Павловича Дедова.

Где эта улица, где этот дом?

Я оставил автомобиль у «Аниськинова» пруда. Там когда-то добрый волшебник дядя Троша игрой на пастушьем рожке

ранним утром призывал раскрываться бутончики кувшинок. Не спеша пошёл бродить по Ново-ключам. Признаюсь честно, приезжая в село несколько раз, не был нигде, кроме Дома культуры и библиотеки, носящей имя Петра Павловича Дедова.

Вся эта поездка случилась после прочтения книг Петра Павловича. Что-то защемило, задавило в области сердца. Захотелось посмотреть те места, о которых он так проникновенно, с любовью, а порой и с горечью писал. Окунуться в историю, приглядеться, зацепиться за что-то. Не так уж и много времени прошло с тех пор. Да и отношение у меня к нашим дорогим душе сибирским уголкам – по Николаю Рубцову:

*С каждой избою и тучею,
С громом, готовым упасть,
Чувствую самую жгучую,
Самую смертную связь.*

Раньше, в советское время, почти в каждой газете имелась рубрика «Письмо позвало в дорогу», так и «Светозары» Петра Павловича Дедова позвали меня познакомиться с его родными местами. Перенести, так сказать, прочитанные строки на местность.

Я решил просто походить по улицам Ново-ключей и осмотреться, ничего ни у кого не спрашивая. Стояла немного ветреная, сухая и тёплая погода, начало сентября выдалось удачное для уборки урожая, а потому людей встречалось мало. Издалека ветер доносил рокот двигателей комбайнов и тракторов с умеренным запахом солянки. Иногда проскакивали мимо грузовики, поднимая дорожную пыль. Село было во власти ребятишек, бабушек, сидевших возле домов на лавочках да молодых мам с колясками.

Нашёл улицу Садовую, где должен был находиться дом Дедовых, а в доме легендарная русская печка. Но того старого, знакомого по книгам, дома не было, а значит, не было и печки. На его месте стоял домик о двух оконцах, которые, как показалось, пристально меня разглядывали. Его стены были окрашены в зелёный цвет, фронто́н имел красно-коричневый окрас. Перед металлическим забором, цвета слоновой кости, расположился камень с прикреплённой памятной табличкой: «Здесь стоял дом, где прошли детские и юношеские годы писателя П. П. Дедова». Прямое подтверждение того, что в селе Ново-ключи бережно сохраняют память о писателе Петре Дедове, родившемся здесь 5 февраля 1933 года.

Из любопытства заглянул за забор и в отдалении на огороде увидел трёх людей, копающих картошку. Да ведь вот они! Бабушка Федора, дедушка Семён Макарович и мама Пети Дедова – Мария. Но видение исчезло. Да, люди были. Очень похожи. Но не те. Видимо, желание разглядеть прошлое поглотило меня с головой.

В общем, как я планировал, так и поступил. Нашёл место, где жили Дедовы в те далёкие годы, и всё стало на свои места. Ведь во многих написанных рассказах Пётр Павлович «плясать начинал от печки», как говорится, от дома. Пережив первые впечатления, успокоился и огляделся. Да, так и есть. Вот там, вдалеке, находилась церковь, а вот там школа. В том направлении за новыми домами была кузница с кузнецом Яковом Гайдабурой, а здесь жили по соседству сами Гайдабуры, силач Сашка и его брат Ванька-Шалопут, вся семья. Видно место, где был дом труженицы и самогонщицы Таскаихи, значит, где-то рядом по этой дорожке бегал за самогоном прохиндей Сенька Палкин. Там контора с бригадиром Ильёй Огневым, а за конторой у пригона пасся Громобой. Всё на месте. Всё по написанному...

Чаны

Я бродил по Шайдошу, тщетно ища остатки какого-то временного жилища тех далёких лет. Ничего не было. Шалаш и навесы разметало время. Но ягодник сохранился, и его листья мягко пружинили у меня под ногами. Крепло убеждение, что иду по следам Серёжи Прокосова. От того мне легко и радостно на душе. Об этих приозёрных местах у Петра Павловича только хорошие строки. Огляделся и здесь. Конечно, помогали деревья, молчаливые свидетели любви и разлуки, войны и мира в этих местах. Вот та опушка подсказывает, что за ней будет травяная низинка, где дедушка с Серёжей соорудили шалаш. В полном порядке покосные травы, которые в этот год были не плохие, как тогда. На то указывала увядающая, но ещё жёсткая частая стерня. А вот в той стороне озеро Чаны со знаменитыми плёсами. Оттуда тянул освежающий ветерок. Солнце клонилось к закату, подкрашивая розовым цветом желтеющую листву берёз. Вокруг, словно на палитре художника, разноцветье красок. Обычно жаркое солнце сейчас в лёгкой дымке. Вдруг мимо меня на паутинках-парашютах на юг проплыло великое множество паучков. Первые признаки бабьего лета. А ещё, в этих Серёжкиных местах, и впрямь никак не надышишься воздухом. Он сейчас напоен запахами хлеба и чуточку привядших трав. В отдалении, в низине, блестит зеркало озера. Далеко-далеко, еле видимыми челноками, снуют над камышовыми зарослями утки. И мне необходимо поторопиться, потому что предусмотрительно захватил ружьишко и лодку. Мне хотелось до конца пройти Дедовскими тропами, потрогать своими руками его камыши, проплыть по плёсам. А может быть, и стрельнуть пару раз на вечерней зорьке. Даже просто, отсалютовать увиденному...

С большой неохотой покидаю это заветное место Шайдош. Здесь когда-то кипела жизнь. Голоса весёлых косарей

разносились по всей окрестности. Звенел девичий смех. Бодро шуршали косы. Трудились сельчане на славу. Да, всё доставалось с кровью и потом, но работа эта почиталась праздником. Здесь любили, ругались, варили щи и кашу. Всё было по-настоящему. Было. А теперь нет. Природа, да, как бы застыла во времени. Но люди, бывающие здесь, не те и не те голоса. Всё так, да не так. Грустно. Жизнь неумолимо катится вперёд, и с этим ничего не поделаешь. Да, скажу ещё. Это само собой сложилось в голове во время моего посещения памятных Дедовских мест. В Ново-ключах, а потом в Шайдоше. Стало вспоминаться под впечатлением увиденного стихотворение Геннадия Шпаликова, слова предупреждения, но такие, по-моему, проникновенные и уместные строки:

*По несчастью или к счастью, истина проста:
Никогда не возвращайся в прежние места.
Даже если пепелище выглядит вполне,
Не найти того, что ищем, ни тебе, ни мне.
Путешествие в обратно я бы запретил,
Я прошу тебя, как брата, душу не мутит.
А не то рвану по следу – кто меня вернёт? –
И на валенках уеду в сорок пятый год.
В сорок пятом угадаю, там, где – боже мой! –
Будет мама молодая и отец живой.*

И я уже не совсем понимал, кого могут касаться эти строки. То ли Петра Дедова, то ли меня самого, идущего по Серёжкиным тропам.

На берегу озера нашёл избушку, почему-то мне показалось, что это именно та, где Пётр Павлович оставлял своё ружьё и заплечный мешок. Их немало таких избушек-землянок на островах и берегах озера Чаны. Юго-Западную сторону его я знаю хорошо. Давно рыбака, изучил все острова: Чиняиха,

Заячий, Перекопный... Бродишь порой по островному лесу, находишь напоминания о далёком прошлом нашей Сибири. Например, металлические кровати, причём вполне целые, с клеймами изготовления девятнадцатого, начала двадцатого веков. Кресты с древними пометками. Многих, за долгие годы своего существования, приютил и укрыл батюшка Чан...

Озеро немного штормило. Преодолеl приборой с жёлтой мутноватой пеной. Пока по узкому долгому проходу (рези) в камышах пробирался на плёс, ветер притих. Как обычно бывает в вечерние часы, утка тянула над водой на закат солнца. И оно большое, краснобокое, словно притягивало стаю за стаей. Наверное, наличие дичи на Чанах, к счастью, изменилось мало с тех Серёжиных лет. Касатая, чернеть, шилохвость со свистом рассекали своими крыльями воздух над головой. Но пусть не беспокоятся, я сегодня не за ними. Я за впечатлениями. А точнее, под впечатлениями от «Светозаров» приехал посмотреть на старые добрые места. Выплыл на притихший плёс. Поставил ружьё на предохранитель. Буду ждать какого-нибудь Дедовского чуда и просто пока полюбуюсь миром. Он уже начал ограничиваться туманом, но, сколько жизни и сколько красок в нём!.. Всё ниже опускается солнце – радость всего живого. И эту радость совсем не хочется омрачать ружейными выстрелами.

Стало заметно темнеть, и чудо произошло. Собираясь в обратный путь, выплыл на чистину. Вдруг услышал песню. Прямо как тогда Серёжка в «Песне над плёсами». В густеющем тумане и темноте всполошились испугнутые птицы, поднимаясь на крыло. Петь начала девушка, пела под гитару. Возможно, кто-то ей аккомпанировал. Песня также как и тогда, завораживала, но жалобной она не была. Чистый высокий голос выводил бардовские строки Олега Митяева: «... как здорово, что все мы здесь сегодня собрались». И слова были разборчивы, не в

пример той. Но эта песня показалась мне голосом из прошлого, не то тётки Мотри Гайдабуры, не то красавицы Марьяны, напомнившей о её страшной судьбе. Я просто не поверил своей удаче. Озеро, туманный вечер, песня...

Выплыл на берег. Собрал охотничьи пожитки. Проезжая мимо костра, остановился поздороваться. Оказывается, ребята приехали немногим позже меня, быстро обустроились и разожгли костёр. Ну а уж под костёр, как полагается, и песня. Это были студенты из Омска. Приехали в турпоход на неделю. К этому вполне располагала тёплая осенняя погода. Разглядел певунью. Совсем не похожа на Марьяну, а хотелось бы. Немного поговорив о том, о сём, распрощался с мимолётными друзьями. Теперь уже на выезд, домой в Карасук. Но, несмотря на позднее время, всё равно решил заехать на то памятное озеро, где погиб отец Петра Павловича. В районе Копкуля. На это было несколько причин. Мне в помощь – громадная полная луна, висевшая над степью, освещающая всё вокруг. Маршрут до Карасука я мог проложить через озеро, причём дорогу даже сократив. Озеро не было чужим. Раньше я там рыбачил, только до поры до времени не знал о развязавшейся когда-то на нём трагедии.

На высоком берегу остановил машину. Широкая лунная дорожка делила озеро пополам, она показалась мне памятным символом. Именно по этой лунной дорожке с запада на восток, со стороны Купино, в деревню полз по льду Павел Дедов. Здесь реально уходила жизнь из тела, боровшегося до последнего за неё человека. Смелого, а теперь и мне такого знакомого. А внизу от меня, за береговым белёсым камышом, тяжело в ночи, словно большое животное, вздыхало озеро. И мне подумалось, так вот это и есть главный свидетель. Вот кто всё знает о разыгравшейся в ту злосчастную зиму трагедии. Громобой, да. Но озеро с Павлом Дедовым было до конца.

Если хронологически проследить произведения Дедова, можно заметить, как постепенно всё увереннее и резче становятся его штрихи, как отступают красоты и мелодраматические издержки, уступая место полнокровному реализму. Его художественный дар был в высшей степени приспособлен для живописания какого-либо устойчивого, прочно сложившегося уклада – деревенского, рыбацкого, охотничьего, русского, украинского... Меня поразили в его произведениях особенная зоркость и зрительная память автора, удивительная конкретность восприятия, жадность к мелочам, паутинкам быта, к сибирской природе...

Нужно было ребёнком пройти через ужасы военной поры, ощутить на себе тяжесть сельского труда в раннем детстве, чтобы обо всём этом так правдиво и точно написать. Никогда он не пасовал перед житейскими трудностями. Не сломался в те лихие годы. Проявился в итоге как незаурядная личность, пронёс свою любовь к Родине через все свои произведения.

Вспомним, как он для нас писал, и как пророчески напутственно звучат его слова в наше время: «...но я верю, мы русские, с нами Бог, и мы ещё поднимемся. И снова над дьявольскими шабашами возобладают православные молитвы, зазвучат русские песни и наша музыка, вместо скотских совокуплений мертворождённых людей-манекенов. С экранов телевизоров светло улыбнутся нам добрые славянские лица, а дети наши вместо похабщины и страшилок будут читать вдохновенные книги наших великих писателей. Верю я в это, верю...».